

Институт мировой литературы им. А.М. Горького
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Российский государственный
гуманитарный университет
Институт филологии и истории

**ДИНАМИЧЕСКАЯ ПОЭТИКА /
ПОЭТИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА**

**Сборник статей к юбилею
Дины Махмудовны Магомедовой**

Москва
ИМЛИ РАН
2019

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор *Резниченко А.И.*,
доктор филологических наук, профессор *Топорков А.Л.*

Динамическая поэтика / Поэтическая динамика: сборник статей к юбилею Дины Махмудовны Магомедовой / сост. и ред. В.Б. Зусева-Озкан, В.Я. Малкина. — М.: ИМЛИ РАН, 2019. — 360 с.

Сборник «Динамическая поэтика / Поэтическая динамика» посвящен юбилею профессора Дины Махмудовны Магомедовой, зав. кафедрой истории русской классической литературы РГГУ и ведущего научного сотрудника ИМЛИ РАН. Статьи российских, польских и японских ученых, вошедшие в книгу, рассматривают проблемы поэтики и истории русской литературы, в частности, Серебряного века, а также вопросы жанровой динамики и поэтики лирики.

Книга адресована в первую очередь ученым-филологам и студентам филологических факультетов.

ПОЭТИКА ЛИРИКИ

М.М. Гельфонд

Поэзия Александры Бруштейн

Статья посвящена неопубликованным стихотворениям Александры Бруштейн, хранящимся в архиве писательницы. Александра Бруштейн известна прежде всего как автор автобиографической трилогии; ее стихотворения не публиковались. В статье вводится в научный оборот ряд неизвестных прежде текстов и предпринимается попытка рассмотреть подготовленную А.Я. Бруштейн к печати в 1916–1917 гг. книгу стихотворений как явление женской лирики Серебряного века. Выделяются черты поэтики, характерные для лирики Бруштейн — и предположительно для массовой женской лирики 1910-х гг.

Ключевые слова: А.Я. Бруштейн, поэзия Серебряного века, женская лирика.

Имя Александры Яковлевны Бруштейн в читательском сознании закономерно связывается с ее главной книгой — автобиографической трилогией «Дорога уходит в даль...». Значительно меньше известны ее пьесы и совсем не известны стихи, которые она писала по преимуществу в юности — с 1901 по 1917 г. В автобиографии Александра Бруштейн вспоминает: «Зимой 1916–1917 года издательство М.О. Вольф приняло к напечатанию книжечку моих стихов. К счастью для меня, великая октябрьская революция положила конец издательству Вольф (как и вообще всем издательствам царской России), и мои плохие стихи света не увидели»¹. Ирония по отношению к собственным стихам не помешала Александре Бруштейн сохранить тетрадь с ними в личном архиве; страницы тетради пронумерованы, под большинством стихотворений, размещенных главным образом в хронологическом порядке, проставлены даты. Самый ранний текст «Еще немножечко терпенья...» датируется февралем 1901 г. и связан с окончанием Высшего женского Мариинского училища (в трилогии — института), последний отмечен подзаголовком «21 июня 1941 года» — и речь в нем идет о дне накануне Великой Отечественной войны, начало которой Александра Бруштейн застала с дочерью Надеждой в Вильнюсе у своих родителей. Таким образом, тетрадь стихотворений как бы охватывает собой все то, о чем впоследствии будет рассказано в трилогии: от счастливого прощания со «скудной тюрьмой» института до гибели родителей, памяти которых посвящена книга.

Однако, за исключением этих двух стихотворений, поэтическая тетрадь Александры Бруштейн (в девичестве Выгодской)

почти не связана с будущей трилогией. Напротив, она отчасти позволяет пролить свет на те годы жизни писательницы, о которых мы знаем очень немного. Известно, что вскоре после окончания института она уехала в Петербург, поступила на Высшие женские курсы (в автобиографиях она упоминает и Бестужевские курсы, и курсы Лесгафта, на которых училась в разные годы), вышла замуж за врача Сергея Бруштейна, родила двоих детей — сына Михаила и дочь Надежду, революцию 1905 г. встретила в Колмове — пригороде Новгорода Великого, о чем написала позже в «Вечерних огнях», много работала в Группе помощи заключенным Шлиссельбургской каторжной тюрьмы. В стихотворениях, что не удивительно, речь идет по преимуществу о другой, внутренней стороне ее жизни, не видимой окружающим, но мучительной для нее самой.

Уже в первые годы своей учебы на Бестужевских курсах Александра Бруштейн начала стремительно терять слух. Сильная и притом быстро прогрессирующая близорукость была у нее с детских лет (еще двенадцатилетней девочкой она записала в своем дневнике, что очень любит читать, но «по близорукости не может долго предаваться этому занятию»²). Потеря слуха грозила ей почти полным выключением из активной жизни. В автобиографии она писала об этом так: «На мою судьбу сильно повлияли стихийные бедствия личного характера. С двадцатилетнего возраста я стала терять слух, — сейчас я почти совершенно оглохла, слышу только с очень сильным слуховым аппаратом. В конце 1930-х годов я начала слепнуть — сейчас у меня меньше, чем 1/5 нормального человеческого зрения. Все это своеобразно и ограничило, и обогатило меня умственно и душевно»³. В воспоминаниях об этих годах Александра Бруштейн писала о своих физических особенностях с иронией (в «Цветах Шлиссельбурга» приведены слова одной из ее подруг: «И с чего ты такая нескладная? Быть глухой и слепой одновременно! — это верх невоспитанности!»⁴), и можно лишь догадываться о том, чего ей стоило осознание своей беспомощности в юности.

Небольшой поэтический цикл «С тех пор, как я не слышу» свидетельствует о том отчаянии, с которым столкнулась Александра Бруштейн, погружаясь в тишину:

Я больше на курсах не буду,
Там нечего делать мне...
Со мной не случится чуда, —
Я буду всегда в тишине.

Как давно не была я в концерте, —
Ведь и там для меня тишина.
Я не смею мечтать о смерти,
Надо пить свое горе до дна...

Всю жизнь я была покорной,
Не плачу я и теперь —
В тишине, как в карцере черном,
Навеки закрыта дверь.

Царское Село, 1911⁵

Большая часть включенных в тетрадь стихотворений Александры Бруштейн представляет собой лирический дневник, объединенный одной темой: это история сильного, взаимного и, вероятно, постоянно подавляемого чувства. Отдельные стихотворения позволяют предположить, что их адресат — один из друзей юности Александры Бруштейн, встреча с которым произошла через десять лет после окончания гимназии:

Вы помните, когда мы кончали гимназию
И зубрили без усталости, до одури весь день?
И была геометрия, и Карамзин, и Азия?
И еще — была весна, и еще — была сирень...

Вы любили меня так робко и так славно,
Скрывая свое чувство от всех болтливых ртов.
Вы были такой милой, серьезной и забавной, —
И было так трогательно, что у Вас нет усом...

И я вас любила — и тоже втихомолку:
Ведь вы были такой ученый и такой развитой, —
Я не знала, что Вы можете полюбить балаболку,
Не осилившую Маркса дальше страницы шестой!

Потом я вышла замуж — за чужого дядю,
Потому что я подумала, что я его люблю...
А Вы меня убеждали, что не надо, Бога ради! —
Что этим я себя «как личность» погублю...

А потом были долгие годы отчуждения:
У Вас была революция, у меня — семья.
Но в мыслях друг о друге было тепло умиления,
И мы знали, далекие, что мы — всегда друзья.

Вы давно превратились в «известного социалиста»,
Но для меня Вы были все тот же суровый друг Катон,
И я старалась жить и честно, и чисто
И в трудных случаях думала: «А что сказал бы он?»

А когда мы снова встретились — случайно, неожиданно, —
Мы кинулись друг к другу с какой-то жадной тоской,
И вдруг нам открылось, — Господи, как странно! —
Что каждый из нас для другого — единственно-родной.

Единственно-близкий, единственно-любимый,
Что все было ошибкой — весь врозь пройденный путь,
Что счастье шло к нам в руки, но мы прошли мимо,
А жизнь уж прожита — и ничего не вернуть!

1912⁶

Судя по стихотворениям Александры Бруштейн, через некоторое время после этой встречи муж увез ее в путешествие по Европе (стихотворение, в котором идет речь об отъезде, названо «Бегство»); именно тогда она увидела Германию, Швейцарию, Италию, Францию, Испанию, впечатления от которых отразились в ее лирике. Ее поразили больные костным туберкулезом дети в санатории «на суровом норманнском приволье», а испанская коррида неожиданно напомнила о судьбе гонимых много веков назад в Испании евреев:

Бой быков

На этот звериный и мерзостный ужас
Они приводят детей.
И дети их видят кровавые лужи,
Кишки потрошенных коней.

Со мною сидела влюбленная пара,
Невеста с своим женихом, —
И, пьяные кровью, в зверином угаре,
Они целовались потом!

Вот так же их предки смотрели на муки
Марранов — предков моих!
И набожный крест сотворяли их руки,
А губы шептали молитвенный стих...

Биарриц, 1912⁷

Судя по датировкам стихотворений, осенью 1912 г. Александра Бруштейн вернулась в Россию. Надежды на то, что в разлуке чувство ослабнет, видимо, оказались тщетными; решение о разрыве (опять же, судя по стихам) было принято много позже и далось с большим трудом:

Вы снова пришли, мой единственный,
Самый близкий и самый родной,

Чтоб напомнить о связи таинственной,
Что живет между вами и мной...

И опять мне душу окутали
Вы на миг своим нежным теплом...
Как жестоко мы все перепутали,
Когда назвали счастье — грехом!

Оттого, что мы — несвободные,
И что я — чужая жена?
Ах, какие же мы старомодные!
И кому наша жертва нужна?

Петроград. Март 1916⁸

Разумеется, стихотворения Александры Бруштейн интересны отнюдь не в биографическом плане: в поздней прозе она рассказала о своей жизни все, о чем сочла возможным поведать читателям. Но они — при всей их наивности и несовершенстве — интересны именно как образец массовой поэзии Серебряного века, в первую очередь женской. И в этом плане чрезвычайно важно, на чье творчество ориентировалась Александра Бруштейн.

Среди ее старших современников это прежде всего Константин Бальмонт. В неоконченном очерке «Мои встречи с Бальмонтом» Александра Бруштейн вспоминает о том, как она и ее подруги-курсистки, увлеченные декадентской поэзией, увидев Бальмонта, выбежали из книжной лавки, забыв забрать свою первую студенческую покупку — «Божественную комедию» Данте. Эпиграф из «Слов любви» Бальмонта (1899): «Слова любви, не сказанные мною, / В моей душе горят и жгут меня» — предпослан стихотворению Бруштейн «Все то, о чем я вам не рассказала...». О знании стихотворений Бальмонта, Брюсова, Блока свидетельствуют не только непосредственные реминисценции (их относительно немного, имеет смысл говорить скорее о повторении общепозитических формул), но и явное предпочтение дольника регулярным размерам. Из поэтов-классиков для Бруштейн наиболее притягательны Тютчев и Лермонтов, впрочем, здесь встречаются и своего рода литературные казусы: так, тютчевские строки: «О, этот юг! О, эта Ницца!..» приписаны Семену Надсону — при том, что подлинные тютчевские эпиграфы предпосланы целому ряду стихотворений Бруштейн.

Разумеется, сегодняшнему читателю стихотворения Александры Бруштейн, скорее всего, покажутся вторичными — но в значительной степени это произойдет потому, что мы знаем стихи ее младших современниц — в первую очередь Ахматовой.

Построение книги стихов как лирического дневника, фрагментарность отдельных стихотворений при целостности лирического сюжета, внимание к внешней детали, фиксирующей душевное движение, представляются современному читателю характерными чертами поэзии 1910-х гг. Возможно, вторичность своих стихотворений осознавала и сама Александра Бруштейн, поскольку не предприняла второй попытки опубликовать их. Ее стихи остались в своем времени, но они интересны как явление Серебряного века, пусть и лежащее на его периферии.

¹ РГАЛИ. Ф. 2546. Оп. 1. Ед. хр. 41. С. 4.

² РГАЛИ. Ф. 2546. Оп. 1. Ед. хр. 62. С. 1.

³ РГАЛИ. Ф. 2546. Оп. 1. Ед. хр. 681. С. 11.

⁴ *Бруштейн А.Я.* Вечерние огни. М.: Советский писатель, 1963. С. 81.

⁵ РГАЛИ. Ф. 2546. Оп. 1. Ед. хр. 41. С. 4.

⁶ РГАЛИ. Ф. 2546. Оп. 1. Ед. хр. 41. С. 16.

⁷ Там же. С. 24.

⁸ Там же. С. 31.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В.В.Полонский.</i> Вместо предисловия	3
Поэтика лирики	
<i>М.Н. Дарвин.</i> Метаморфозы судьбы и поэтика превращений (Из наблюдений над текстом авторской книги — сборника лирики Е.А. Боратынского «Сумерки» 1842 г.)	9
<i>О.Л. Довгий.</i> Бестиарный образ князя П.А. Вяземского	20
<i>В.Я. Малкина.</i> Фантастическое в ранних стихотворениях Н.С. Гумилева	30
<i>М.М. Гельфонд.</i> Поэзия Александры Бруштейн	40
<i>Н.Ю. Гвоздецкая.</i> Библейский текст в поэтическом творчестве англосаксов и его передача в русском художественном переводе	46
<i>Е.И. Зейферт.</i> Восток и Запад: влияние китайской культуры на новейшую русскую поэзию	57
<i>О.Ю. Казмирчук.</i> «Зимние» насекомые у О.Э. Мандельштама и Б.Л. Пастернака («Медлительнее снежный улей...» и «Зимняя ночь»)	66
<i>А.Г. Степанов.</i> О переключках у ленинградских поэтов 1970-х: Г.А. Григорьев и И.А. Бродский	71
<i>А.С. Аристова.</i> К анализу стихотворения М.А. Волошина «Россия»	81
<i>Е.Ю. Козьмина.</i> «Вселенную снегом заволокло»: стихотворение В.В. Маяковского «Император»	88
<i>Л.Ю. Фуксон.</i> К интерпретации стихотворения Н.А. Заболоцкого «В тайге»	94

Жанр и вокруг

<i>В.И. Тюпа.</i> Волюнта и эвиденция: непоименованные жанры неканонической лирики	103
<i>С.Ю. Артёмова.</i> Эпиграммы на поэтов: жанровая специфика	113
<i>П.П. Шкаренков.</i> Панегирик Теодориху Эннодия: эволюция жанровой традиции	120
<i>А.В. Каравашкин.</i> О жанровой специфике сборника Ивана Пересветова.....	132
<i>М.Ю. Люстров.</i> Голландия в русских и шведских травелогах конца XVII в.....	143
<i>О.В. Федунина.</i> «Пирожница берегов Рейна» В.П. Буренина в жанровом аспекте: «тургеневская повесть» и / или «философская повесть»?.....	150
<i>С.П. Лавлинский.</i> «Память жанра» и рецептивная ситуация в новелле Дж. Сэлинджера «Человек, который смеялся».....	158
<i>Т.А. Быстрова.</i> Роман-самосочинение в современной итальянской литературе	168
<i>А. Скубачевска-Пневска, Д. Пневски.</i> Интертекстуальные игры с польской литературой и историей первой половины XIX в. в современном романе.....	176

Не только Блок

<i>Е.В. Кузнецова.</i> К источникам образов Короля и Шута в драме А.А. Блока «Король на площади»	191
<i>Е.И. Орлова.</i> «Тайная свобода»: о выступлениях и записях А.А. Блока 1919–1921 гг.....	200
<i>Л. Мних.</i> Статья А.А. Блока «“Король Лир” Шекспира»: текст и контекст	207
<i>В.Б. Зусева-Озкан.</i> К вопросу о круге чтения А.А. Блока: «Les poses de l' Amazone» С.Ш. Леконта.....	213
<i>Р. Мних.</i> А.А. Блок как персонаж украинской поэзии	221

Серебряный век русской культуры

<i>В.В. Полонский.</i> Д.С. Мережковский и Аммиан Марцеллин: трансформация источника в романе «Юлиан Отступник»	231
<i>М.М. Павлова.</i> Из последних невоплощенных замыслов Федора Сологуба: драма «Близнецы»	238
<i>С.В. Федотова.</i> «Удельный вес» стиха: Вяч. Иванов и Микеланджело	254
<i>М.В. Михайлова.</i> Крах «идеального союза», или «Яркий образ возможного счастья» (Вяч. Иванов и Л. Зиновьева-Аннибал)	265
<i>А.А. Фаустов.</i> Об авторском поведении Л.Н. Толстого: «Крейцерова соната» и «общее дело» Н.Ф. Федорова	276
<i>О.А. Симонова.</i> Дискуссии о моде в женских журналах Первой мировой войны	289
<i>О.А. Лекманов.</i> Русский символизм в кривом зеркале массовой литературы: два отражения	297
<i>Н.А. Богомолов.</i> Догадка Томашевского	302
<i>В.Ш. Кривонос.</i> О рассказе И.А. Бунина «Жилет пана Михольского»	310
<i>М. Омори.</i> Философский контекст романа «Мастер и Маргарита» (М.А. Булгаков и Г.С. Сковорода)	316
Список научных трудов Д.М. Магомедовой	325
Сведения об авторах	349

Научное издание

*Утверждено к печати Ученым советом
Института мировой литературы им. А.М.Горького РАН*

**ДИНАМИЧЕСКАЯ ПОЭТИКА /
ПОЭТИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА**

Сборник статей к юбилею
Дины Махмудовны Магомедовой

Оригинал-макет изготовлен
Владимирской Л.В.

Подписано в печать 23.05.2019 г.
Формат 60x90^{1/16}. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Печ. 22,5 п.л. Тираж 300 экз.

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ

Институт мировой литературы им. А.М.Горького
Российской академии наук

121069, МОСКВА, УЛ. ПОВАРСКАЯ, Д. 25-А.

Тел.: (495) 690-05-61

Заказ №

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ППП «Типография «Наука»»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

ISBN 978-5-9208-0592-8

9 785920 805928